

Здесь в споре с временем суровым
Два смелых отрока, одни,
Стояли Герцен с Огарёвым,
Провидя будущие дни.
И вот сквозь времени просторы
Пришли мыслитель и поэт
Сюда, где, гордость наших лет,
Венчает Ленинские горы
Советский Университет.

К Р О К О Д И Л

Что такое май?

Желая обстоятельно и по возможности всесторонне осветить поставленный выше вопрос, Крокодил обратился к разным сведущим лицам.

— Май — знаменательный месяц! — ответил нам профессор Московского университета. — Именно в мае двести лет назад был открыт наш университет. Его духовным отцом был гениальный Ломоносов...

Мы постучались к знаменитому доктору технических наук. Он заявил: — Чудесный месяц! Шестьдесят лет назад, 7 мая, наш великий соотечественник Попов изобрёл радио. И теперь голос диктора слышен в каждом колхозе...

— В каждом ли? — усомнились мы.

— В каждом, где радиоточка действует, за исключением тех, где бездействует... Из-за помех со стороны местных органов связи.

Мы спросили старого рабочего с Красной Пресни Петра Гусева, что он может сказать о мае. Пётр Васильевич ответил:

— Май — это первый коммунистический субботник 10 мая 1919 года, когда мы только-только стали овладевать азбукой коммунистического труда. Май — это досрочное выполнение апрельского плана. Я мог бы ещё много чего рассказать о мае, но тороплюсь: готовлюсь к майскому совещанию передовиков промышленности в Кремле.

Председателя колхоза имени Первого мая Тараса Ковтуненко мы встретили в поле.

— Извините... — сказал он. — Сами понимаете: сев и прочее. Каждая минута в мае на счету. Потом не наверстаешь. Лучше уж осенью, когда соберём урожай, потолкуем и о мае.

Мая Васильева вместо ответа на наш вопрос протянула нам комсомольскую путёвку:

— Можете поздравить: еду в мае на целину!

Секретаря горкома партии Максима Горелова мы застали в тот момент, когда он сдавал дела новому секретарю.

— Еду в счёт тридцати тысяч в село. В мае начну учиться на курсах председателей колхозов.

В коридоре горкома мы столкнулись с мрачным и понурым человеком. Он буркнул в ответ:

— Мне не до мая...

Где он только не работал?! Двадцать девять специальностей перепробовал он и в городе и на селе. И ни в чём не преуспел. Совсем недавно в сельхозартели, где он по недоразумению был председателем, колхозники прокатили его на вороных. Из села он вернулся в город, и теперь, что называется, ни к селу, ни к городу.

Редактор газеты «Первомайская правда» нам сказал:

— Помимо других знаменательных дат в мае, на которые мы, газетчики, обязательно откликаемся, май — это День печати. День торжества правдивой, честной печати, служащей народу, над продажной печатью капиталистических монополий.

— Май — незабываемый месяц! — провозгласил бывший младший сержант Кантария. — Десять лет назад, 2 мая, я и младший сержант Егоров водрузили над зданием рейхстага в Берлине гордое знамя Советского Союза, знамя Победы.

И тут мы со всех сторон, со всех континентов земного шара услышали голоса:

— День Победы, день весны человечества, день победы света над фашистской тьмой!

Совершенно противоположную точку зрения о мае высказал нашему американскому корреспонденту начальник тайной полиции США Гувер:

— Май — отвратительный месяц! Это только наши недалёковидные партнёры в Великобритании по привычке говорят: «Весёлый месяц май». А что в нём весёлого? Одно беспокойство! Расследованием ФБР доказано, что май — коммунистический, не американский месяц. По моему указанию разведка возбудила дело против руководителей чикагской полиции, которые проявили преступную халатность и не сумели предупредить 1 мая 1886 года рабочую демонстрацию. Чтобы вытравить из сознания истинных американцев воспоминание об этом прискорбном для истории Америки событии, мой уважаемый друг сенатор Ноулэнд вносит в конгресс законопроект о замене весенних месяцев марта, апреля и мая одним, високосным, месяцем Маймарти.

После Нового Света нам захотелось побывать в Новейшем Свете, благо для этого не требовалось делать унизительных отпечатков пальцев и давать оскорбительные обязательства. Опережая звук и свет, мы единственно силой воображения взлетели на Марс. Учёные марсиане сидели у телескопов, наведённых на Землю.

— Что вы можете сказать о мае? — спросили мы на безукоризненном марсианском языке.

Старейший из учёных сказал:

— Вот уже 66 лет, как мы ежегодно в день Первого мая наблюдаем одно странное и непонятное для нас атмосферное явление. Сначала на вашей планете появились отдельные, редкие пятна. Постепенно, из года в год, их становилось всё больше и больше, и они стали сливаться в сплошные, густые полосы. Замечательно и то, что эта пурпурная окраска, наиболее яркая Первого мая, не совсем проходит и в последующие месяцы. Что это значит? Объясните, наш земной друг!

— Вы ошибаетесь, друзья. Это вовсе не атмосферное, а социальное явление. В более сильные телескопы вы могли бы рассмотреть, что красные отблески в день Первого мая объясняются прохождением праздничных первомайских колонн по городам и сёлам. Миллионы красных знамён реют в этот день над Землёй. Вы видите нашу Землю в её праздничном, новом весеннем уборе. На экранах грядущих телевизоров вы не только рассмотрите счастливые лица людей, — вы услышите и ликующие голоса, приветствующие международную солидарность трудящихся, крепнущую дружбу народов, торжество идей мира над идеями агрессии и войны.

Тепло распрощавшись с марсианами, мы вернулись на Землю и поспешили в редакцию. По дороге мы встретили товарища Иванова — активного борца за мир. Узнав о нашей анкете, он напомнил:

— Не забудьте написать, что в мае в Финляндии собирается Всемирная ассамблея представителей миролюбивых сил. Наша позиция ясна:

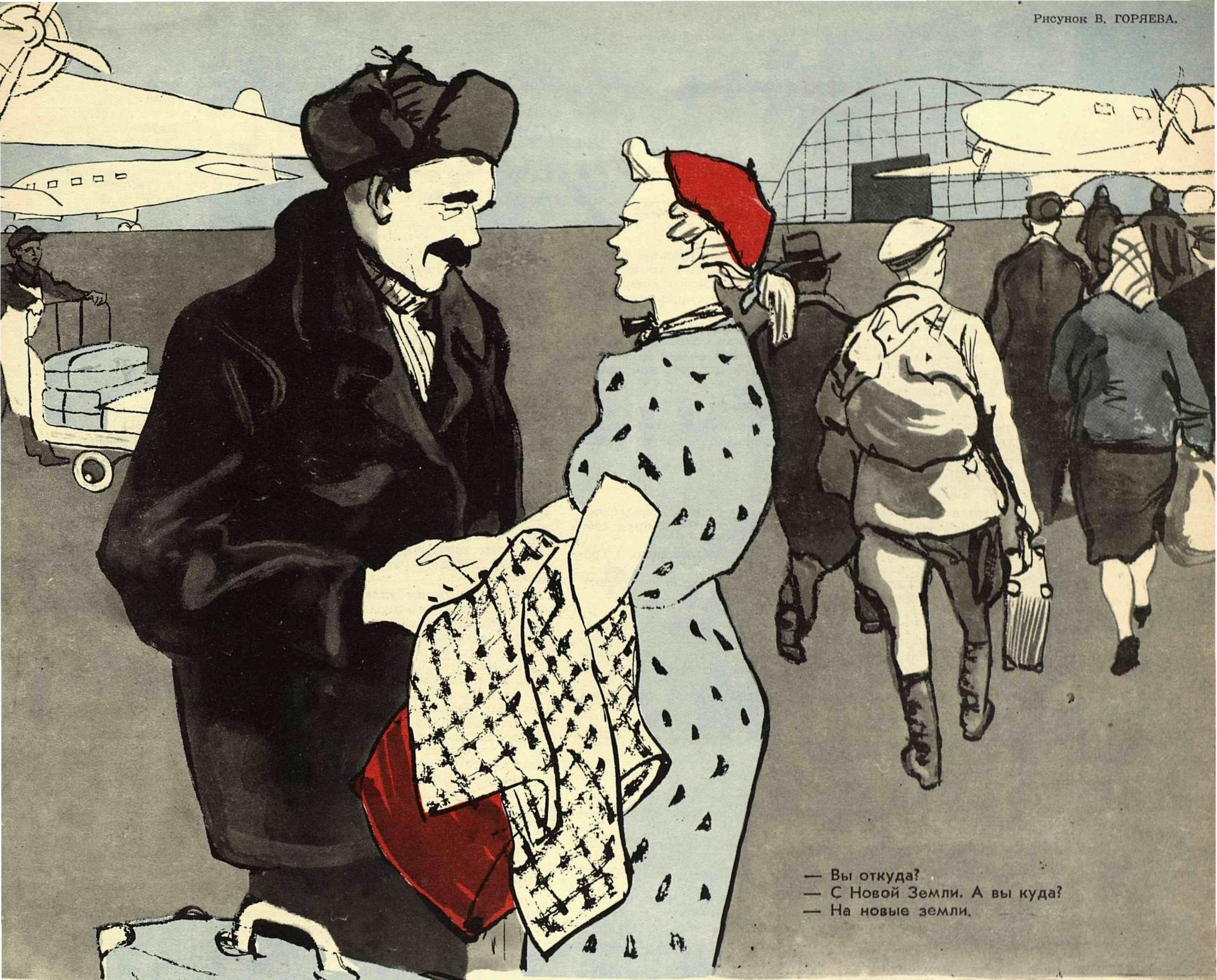
Вечно сияй
над республикой нашей,
труд,
мир,
май.

И не только над нашей республикой. Пусть над всеми народами и странами вечно сияет
мир,
труд,
май!

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Ты меня, дедушка, не пугай, я тебя не боюсь!

— Вы откуда?
 — С Новой Земли. А вы куда?
 — На новые земли.

Сергей СМИРНОВ

Наш праздник

Завершилась пора
 Полномочий апреля.
 И, под шелест листьев,
 Под рулады и трели
 Ясный выпел зари
 Над землёй поднимая,
 Наступило
 хорошее
 Первое Мая.

Хорошо
 спозаранок
 Умчаться из дома,
 В многолюдье рядов
 Окунуться знакомо,
 Оказав предпочтенье
 Бравурным мотивам,
 И на Красную площадь
 Шагать коллективом.

Раздавайся «ура»,
 Над рядами взлетаю.
 С нами рядом идут
 Демонстранты Китая.

Цвет содружества
 шествует
 В праздничном хоре —
 От балтийских просторов
 До Чёрного моря.

Хорошо,
 что шагать
 Не мешает никто нам,
 Что сейчас
 наша поступь
 Слышна за кордоном,
 Что, хотя бы в мечтах,
 Все народы колоний
 Вместе с нами идут
 В первомайской колонне.

Мы хотим,
 чтоб людей
 Испытания не гнули,
 Чтоб лежали в бездействии
 Бомбы и пули,
 Чтобы Молот и Серп
 Были в блеске и силе.

И желанное счастье
 Сердцам приносили.

Хорошо,
 что сегодня
 На празднике нашем
 Мы
 задорно поём
 И без усталости пляшем:
 Эти песни и пляски
 Особого рода,
 Это радость
 всего
 Трудового народа.

Это шелест знамён.
 Это локоть соседа.
 Это свет и тепло.
 Это труд и победа.
 Это наших стремлений
 Дорога прямая.
 Это
 поступь весны!
 Это Первое Мая!

Перестроимся...

Директор Синереченской МТС Пётр Иванович Трошин, обычно спокойный и неторопливый, стремительно вошёл в контору. За ним без доклада ворвался майский ветерок, быстро перелистал разноцветные бумажки на письменных столах и небрежно сбросил их на пол.

Рабочий день МТС был в разгаре. Главный агроном Точкин, молодой человек с белокурым чубом над печальными глазами, ползал по разостланной на полу трёхметровой сводке и, засевая её узкорядно-перекрёстными графами отборной цифрой, напевал:

О, дайте, дайте мне свободу!
Я свой позор сумею искупить...

Главный инженер, склонив седую голову над десятой копией графика планово-предупредительного ремонта, невпопад подтягивал ему:

Мы вольные птицы,
Пора, брат, пора...

— Количество водоплавающей птицы... — бормотала вполголоса прозой главный зоотехник Люся Тюменина, аккомпанируя себе на арифмометре.

— Отставить бумаготворчество! — весело скомандовал Трошин. — Всем в поле!

Специалисты прекратили свою высокопродуктивную работу и недоуменно уставились на директора.

— Как в поле?! — спросили они в один голос.

— Как в институтах вас учили. Состоялось историческое заседание облисполкома. Объявлена категорическая война бюрократизму и бумажной волоките. Сразу же после заседания все члены исполкома выехали на периферию. А наше место там, где решается судьба урожая. Вопросы есть?

— Как быть с почтой? Сегодня тридцать четыре директивы получили...

— Собрать бумаги в одну кучу. В ближайший выходной объявим воскресник по расчистке бюрократических залежей. Разберём. Ответим. И точка. Хватит бумаг! Будет...

Но что будет вместо бумаг, Трошин объяснить не успел. Перебил телефонный звонок.

— Слушаю. Директор МТС у телефона. Здравствуйте, товарищ Старчук. Начали перестраиваться... Очень хорошо... Ждём, товарищ Старчук...

Директор бережно повесил трубку и торжественно объявил: — Через полчаса у нас будет председатель облисполкома. Понятно? Вот побеседуем с председателем, решим наболевшие вопросы и... засучив рукава...

Через несколько минут по дороге из областного центра на пригорке показалось облако пыли, и ещё через несколько минут на широком дворе МТС остановился выдавший виды «Москвич».

— Началось! — ликовав директор. — Уже кто-то прибыл осуществлять конкретное руководство.

Кряхтя и отдуваясь, из «Москвича» вылез тучный начальник конторы кинопроката Мямлин. Растерянно улыбаясь, он огляделся вокруг, подошёл к сиротливо стоящему посреди двора со времён прошлого сезона прессподборщику, сквырнул пальцем чешуйку облупившейся краски и горестно сказал шофёру: — Добрый комбайн!

Затем он с трудом извлёк из кармана объёмистый блокнот, напоминающий скорее семейный альбом средней величины, и, тяжело вздохнув, зашагал в контору.

— А-а, наконец-то и вы начали в люди выезжать! — встретил его, довольно потирая руки, Трошин. — Вот когда мы с вами старые счёты сведём! Где фильм «Зелёные квадраты»? Почему в нашу МТС попадают только самые старые «Новости сельского хозяйства»?

— Да я вовсе не по этой линии... — отмахнулся Мямлин, опускаясь в кресло, над которым уныло поникли осыпавшиеся колосья прошлогодней пшеницы. — Я как член исполкома... Насчёт сева.

— Уполномоченный... — разочарованно протянули хором специалисты.

— М-м-м... Не совсем, — замылся Мямлин. — Сейчас это не принято. — И, мучительно покраснев, умоляюще посмотрел на директора. — Может, вам какая-нибудь практическая помощь нужна? Так вы не стесняйтесь...

Специалисты оживились. — С техникой у нас неладно. Прессподборщик видели? — спросил главный инженер.

— А как же? Много раз, — поспешил заверить Мямлин. — Так вот. Вышел из строя... Вьёмся с ним, вьёмся, а толку мало. Дело в том...

Мямлин вытер пот со лба и распахнул блокнот.

— Пресс... как вы сказали?

— Прессподборщик. Замечательная машина! Вон он стоит, — указал в окно инженер. — Дело в том...

— Ах, это он и есть? — мило удивился Мямлин, вынул авто-ручку и, тряхнув ею, словно термометром, записал в блокноте: «Прессподборщик». — Скажи на милость! Очень интересно... Ну, и дальше! Что же он делает, этот пресс?

У инженера пропала охота продолжать разговор.

— Ничего не делает, — буркнул он, отходя в сторону. — Стоит, как видите...

— Нехорошо... — неуверенно заметил специалист по кинопрокату.

— А мы никак зелёный конвейер не освоим, — вставила своё слово Люся Тюменина.

— Тоже вышел из строя? — посочувствовал Мямлин. — Вот оно как... Я вижу, тут у вас вся техника простаивает. И борона у дороги валяется.

Воцарилось неловкое молчание. Первым не выдержал томительной паузы Мямлин.

— Ну, а как... — откашлявшись, начал он, — а как у вас... это... Вообще, как у вас показатели?

— Дайте товарищу Мямлину наши сводки и докладные за последнюю декаду, — сказал директор специалистам и вышел из комнаты.

Мямлин радостно ухватился за пук нежно-розовых, ядовито-зелёных и траурно-фиолетовых бумажек, выбрал уголок потемнее и, облегчённо вздохнув, уткнулся в сводки.

Через полчаса на усадьбу МТС ворвался приземистый вездеход. Из него на ходу выскочил главный инженер областного управления сельского хозяйства Можжевельский. Не оглядываясь по сторонам, он ринулся прямо в контору.

— Отсиживаетесь попрежнему в канцеляриях, товарищи специалисты? Бюрократизмом занимаетесь? — начал он ещё с порога. — Не удивляюсь, что у вас такие показатели!

И, достав из кармана длинную бумажную ленту, скомандовал:

— Запишите вопросы. Завтра на обратном пути заеду, заберу данные. Вопрос первый: ход весеннего сева на сегодняшнее число, погектарно, в разрезе каждой бригады. Записали? Вопрос второй: простои в тракторосменах: а) по техническим причинам, б) по организационным, в)...

— Да вы оставьте нам вопросник, — предложил инженер. — Мы подготовим ответы.

— Нет уж, извините. Учитесь обходиться без бумаг! Вопрос третий: количество мягкой пахоты на условный трактор.

Специалисты дружно заскрипели перьями. Мямлин восхищённо смотрел на Можжевельского из своего угла и завистливо вздыхал. Отдиктовав сорок девять вопросов, Можжевельский спрятал свою шпаргалку в карман и перешёл к делу:

— По дороге видел: валяется борона. Чтоб сегодня же убрали! Прессподборщик немедленно включить в работу!

— Тут нужна ваша помощь. Видите ли, что у нас с ним случилось... — начал было инженер.

Но Можжевельский перебил:

— Вижу, всё вижу. Но чтоб больше этого я не видел! Ясно?

— Да вы послушайте! Дело в том...

— Слушать мне некогда. Ещё семь МТС предстоит объехать. А оправдываться будете в области... Ясно? Завтра чтоб всё было сделано!

День выдался беспокойный. Одна за другой появлялись из областного центра легковые машины, задерживались на несколько минут у конторы МТС и скрывались за древним курганом на дороге, ведущей в соседнюю МТС.

Последним промчался по этому маршруту начальник областного управления Петрухин. Он налетел на Синереченскую МТС, как степная чёрная буря, побушевал минуты две у злосчастного прессподборщика и умчался дальше, захватив последние данные о ходе сева и категорически предписав убрать всё ещё валяющуюся у дороги борону.

Солнце уже начало клониться к западу, а председатель облисполкома не приезжал. Госкующие специалисты ходили по пятам за директором и ныли:

— Ну что же это такое... Золотые часы упускаем...

И директора внезапно осенила блестящая мысль.

— Товарищ Мямлин, дорогой! — обратился он к притихшему уполномоченному. — Хочешь оказать нам существенную, конкретную, самую что ни на есть практическую помощь?

— Я для того и послан сюда, — мужественно ответил тот, беспокойно заёрзав на стуле.

— Так вот тебе все сводки, вот тебе все последние данные, вот тебе катехизис Можжевельского. Встречай наших гостей из области и крой по писаному. Им же, кроме этих цифр, как видно, ничего больше не требуется. А нам в поле позарез надо. Выручай.

— Это можно,—обрадовался Мямлин.— Только вы, того... проинструктируйте меня.

...Когда счётные работники МТС начали укладывать в шкафы свои гроссбухи, закругляя рабочий день, у окон на полном скаку остановился вороной «ЗИМ». В комнату, где тосковал в одиночестве Мямлин, торжественно проследовал председатель облисполкома.

— Это ты? А где же начальство?

— В поле они, товарищ Старчук,— поспешно подымаясь, доложил Мямлин.

— Как то есть в поле? А ты куда смотрел? Я же сказал, чтобы ждали.

— Они ждали... А потом не дождалось...

— Это ещё что за дисциплина? К ним что, председатель исполкома областного совета каждый день приезжает?

Мямлин переступил с ноги на ногу и, кашлянув в кулак, предложил:

— Может, вас данные интересуют? Так я могу...

— Вникаешь, значит? Ну, ну! Как у них там с севом? А просто? На условный трактор много накрутили?

Мямлин рылся в бумагах и отвечал на каждый вопрос. Председатель подобрел. Когда все данные были записаны, товарищ Старчук поднялся.

— Ну, действуй! — посоветовал он.— Помни: ты здесь представитель исполкома. Где надо — подскажи, где надо — поправь товарищей, потребуй, призови к порядку. А как же? Без этого нельзя.

— Стараюсь, товарищ Старчук!

Скрылся за древним курганом и нарядный «ЗИМ», жарко сверкнув на вечернем солнышке никелированной сбруей. В опустевшей конторе МТС долго ещё сидел старательный Мямлин. Он добросовестно рылся в бумагах и, мучительно морща лоб, бормотал:

— Количество мягкой пахоты на условную корову... тракторосмен на несущку...

* * *

Когда через десять дней очередная сводка показала, что дела в Синереченской МТС пошли в гору, Старчук, Петрухин, Можжевельский и другие, каждый в своём кабинете, воскликнули:

— Вот что значит во-время побывать на месте!

И уткнулись опять в бумаги.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

- Терем-теремок, кто в тереме живёт?
- Я, председатель промартели.
- Я, завклубом.
- Я, сын завхоза.
- Я, племянница главврача. А ты кто такой?
- Приезжий, командированный.
- Ну, ступай себе мимо!

СТО ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ БАБУШКИ НУБАР

— Куда ты так несёшься, соседка?
— На выставку!..

Мне бы хотелось рассказать об ошибке дедушки Мурада и последнем рейсе бабушки Нубар.

Дед Мурад из селения Гндеваз, что взбежало чуть ли не на самую макушку горы, не похож, да будет вам известно, на тех примелькавшихся сельских дедов, какими потчуют нас обычно в стандартных колхозных пьесах. Все мы отлично знаем этих старцев, о которых драматурги пишут в ремарках: седой, как лунь, но ещё бодрый старик, мудр, нетороплив и т. п.

Наш дед не является кладзем народной мудрости. Он не сыплет по всякому поводу афоризмами, но это не мешает ему быть положительным дедом. Половину прошлого века и весь нынешний он честно трудился и ныне пользуется заслуженным отдыхом и почётом.

Погожими деньками дедушка любит сидеть на солнцепёке, вести необременительную беседу и смотреть, как женщины спускаются вниз, в ущелье, за водой.

— Вот так всю жизнь,— говорит дед сидящему рядом молодому колхознику.— Ходят вниз и вверх...

— Скоро перестанут,— отзывается собеседник дедушки.

— Это почему же?

— Вода потечёт наверх.

— С чего это она побежит наверх? — прищуривает глаз дед.— Вода любит бежать вниз, а не вверх.

— Подымут, дедушка. Водопроводом!

— Хм... Водопроводом! — Дед никогда не видел водопровода, но он не хочет себя ронять в глазах какого-то сосунка и говорит: — Ну, что ж, бог даст, будет и у нас водопровод не хуже, чем у других людей.

— Бог не даст.

— А кто же, по-твоему?

— Шефы. Из Еревана.

Дед насмешливо смотрит на юнца и говорит:

— А кто такие твои шефы?

— Рабочие.

— Они родственники нашему председателю колхоза?

— Нет.

— У них есть родичи в деревне?

— Нет.

— Зачем же им ехать сюда и проводить нам воду?

Комсомолец хотел было возразить деду, сказать нечто весьма убедительное насчёт шефства и братской помощи, но дед уже не слушает его. Он видит бабушку Нубар и кричит ей, смеясь:

В ЧАСЫ «ПИК»

— Вы на пятаю? Я за вами!

— Нубар-джан, скоро перестанешь носить воду?

— Скоро помру,— откликается Нубар,— тогда и перестану!

— Да нет, шефы тебе будут воду носить,— смеётся старик.

Бабушка Нубар ничего не отвечает. Она идёт по тропе вниз, к источнику, к которому ходила всю жизнь.

Прошло немного времени. Шефы всё же прибыли в Гндеваз. Но дед Мурад без особого интереса смотрел, как они копались в ущелье. В глубине души он мало верил в удачу затеянного дела, тем более, что приезжие не внушали ему особого почтения. То были молодые ребята во главе с каким-то шустрым пареньком в кепке, по имени Мигран.

Но дед Мурад просчитался. Пареньки оказались мастерами своего дела. Они запросто загнали родник в трубы и подняли воду к самому Гндевазу.

Как ни странно, об этом событии дед узнал позже всех. Ничего не подозревая, он вышел из дому, и до него донеслись звуки зурны. Дед поспешил к музыкантам и вдруг увидел женщин и девушек, разодетых в лучшие свои платья. Одна за другой они подходили к роднику, взметнувшись вверх, и наполняли кувшины водой.

Всё ещё не веря своим глазам, дед подошёл ближе. Из труб двумя сказочными мечами била вода. Старик набрал её в ладони и смочил бороду. Вода была настоящая! На всякий случай он ещё раз набрал и попробовал на вкус. Сомнений быть не могло: это была та самая вода, которую он пил свыше ста лет! Дед оглянулся по сторонам и увидел черноглазого, вихрастого Миграна. Ах, ловкач, мошенник, золотые руки! И дед обнял парня и от всей души поцеловал его. В ответ молодёжь громко захлопала в ладоши, старухи прослезились, а зурнисты заиграли ещё веселей. Тут дед увидел бабушку Нубар: как всегда, она спускалась к роднику.

— Нубар-джан, Нубар-джан! — закричал он.— Зачем идёшь к воде, когда вода пришла к тебе?

Но бабушка продолжала спускаться по тропе. И все поняли, что она решила в последний раз взять воду там, где брала её всю жизнь.

За девяносто лет (а бабушке было девяносто) она сделала по горной тропе не менее ста тысяч километров.

Сто тысяч!

Тут кто-то заметил, что бабушка сделала сто тысяч километров без капитального ремонта. И все пожелали ей на будущее такого же здоровья и долгих лет жизни. А дед Мурад, глядя на воду, впервые в жизни подумал, что можно полагаться не только на бога, но и на шефов, особенно если они похожи на этого шустрого паренька из солнечного Еревана.

Б. ШАУМЯН

Перевод с армянского.

Ереван.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Ты думаешь, легко нашему начальнику? Писали за него диссертацию четверо, а защищать её приходится одному.

КУКРЫНИКСЫ-55.

Рафаэль Санцио дель Урбино и сопровождающие его лица уезжают из Москвы в Дрезден. Вместе с Рафаэлем уезжают Тициан, Корреджо, Джорджоне и другие великие мастера живописи.

Спасённые в дни войны Советской Армией и хранящиеся донныне в Москве сокровища Дрезденской картинной галереи решением Советского правительства возвращаются немецкому народу.

Осенью этого года поезд Москва—Дрезден увезёт их от нас домой.

До отхода поезда осталось четыре с лишним месяца, но фантазия наших художников предвосхитила этот волнующий момент.

Мы на перроне Белорусского вокзала. Поезд уже подан, и пассажиры размещаются по вагонам. Это не обычные пассажиры идущего на Запад поезда: это исключительно персонажи картин великих мастеров прошлого, временные московские жильцы, прописанные на постоянное жительство в Дрездене.

Вот Мадонна с младенцем (Корреджо), Сикстинская Мадонна (Рафаэль). Вот усаживает в вагон жену свою Саскию могучий Рембрандт. Изображённый Гольбейном-младшим (1497—1543) Маретт (в трактовке Кукрыниксов «Маретт в окне вагона») тайно поглядывает на кокетливую «Шоколадницу» Лиотара. Ей, однако, сейчас не до кокетства.

МОСКВА - ДРЕЗДЕН

Занятая своими рознично-торговыми операциями, она предлагает шоколадное мороженое покупателям с картины Вермеера Дельфтского.

Неведомый нам и, вероятно, наполовину знакомый изобразившему его по пояс Веласкесу испанский гражданин слегка ухаживает за всем известной рубенсовской Дианой-охотницей. Увлечённый богиней, он забыл даже позвать носильщика и сам несёт свой чемодан.

Выглядывающая в вагонное окно молодая особа кисти Вермеера Дельфтского читает расписание поездов и не без грусти думает

о предстоящем прощании с советской столицей, которая так тепло принимала гостей из Дрездена.

Некоторые из отъезжающих, как, например, «Спящая Венера» Джорджоне, успели уже расположиться на покой. Богиня, как видите, божественно устроилась на верхней полке.

Много гостей приезжает из-за рубежа в Москву — советских людей посмотреть и себя показать. Последнее особенно относится к гостям из Дрездена. Перед тем как покинуть Москву, они «покажут себя» (с мая по август включительно) сотням тысяч москвичей, и покажут, разумеется, с наилучшей стороны.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Завтра у рабочих праздник, так что вы должны работать не покладая рук...

Леонид ЛЕНЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ АНДЕРСЕНА

Стопятидесятилетие со дня рождения великого датского сказочника Ханса Андерсена отметил весь мир.

Миллионы людей с благодарностью в сердце помнят в эти дни писателя за то наслаждение, которое доставляла и доставляет им его волшебная фантазия.

Каждый по-своему знакомился в своё время с Андерсеном.

Я получил «Сказки» Андерсена в подарок ко дню рождения. Это была моя первая личная, собственная книжка.

Великолепное издание в твёрдом переплёте благородного цвета старой слоновой кости, с роскошными иллюстрациями, отпечатанное на веленовой бумаге с золотым обрезом!

Книжка была такая тяжёлая, что удерживать её в руках у меня тогда не было сил. Её клали на стол, а я взбирался на стул и, став на колени, читал, то замирая от страха, то смеясь до слёз, то плача от жалости, изумительные сказки гениального датчанина.

Влюблённость моя в сказки Андерсена не остыла с годами. Так же, как в детстве, я и сейчас смеюсь, когда читаю в сказке «Стойкий оловянный солдатик» про водяную крысу, которая гналась за одноногом солдатиком, плывшим по каналу в бумажной лодочке:

«Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите, держите его! У него нет паспорта!»

И попрежнему трогает и волнует меня история «Гадкого утёнка», который вырос и превратился в прекрасного лебедя.

Помните, как снисходительно разговаривали с ним дикие гусыни?..

«Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусяка. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: рап, рап! Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех».

Сколько человеческих поколений ещё будет восхищаться сказками Андерсена!

Его сказки бессмертны потому, что заставляли и заставляют звучать самые сокровенные и самые лучшие струны человеческой души.

Как был бы потрясён Андерсен, если бы он дожил до наших дней и узнал, что в его стране, да и в других европейских странах дети читают «комиксы», эти идиотские «сказки» из жизни преступников и сыщиков, составляющие наряду с пушками, бомбами, гангстерскими фильмами,

чулками «нейлон» и жевательной резинкой видную статью американского экспорта в Европу!

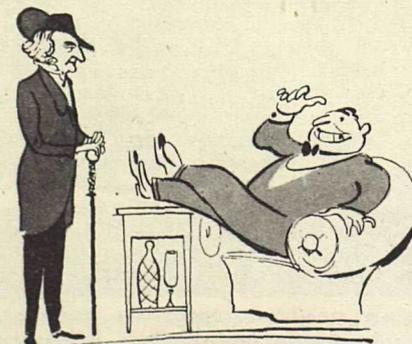
— Позвольте! — сказал бы великий сказочник. — Эту дрянь нельзя давать читать детям! По-моему, её нельзя давать читать даже взрослым. Эти книжки безнравственны, пошлы, бездарны. Для чего они издаются? Плодить убийц и преступников?! Нет, этого так оставить нельзя!.. Я сам поеду в Америку. Я поговорю!.. Я добьюсь!..

Давайте представим себе его путешествие.

Вот Андерсен — старый седой европеец с добрым лицом умного чудака — сидит в кабинете некоего книжного магната, американского издателя «комиксов», нажившего состояние на издании и распространении безнравственной и бездарной дряни.

Издатель румян, благодушен и словоохотлив.

— Очень рад познакомиться с вами, мистер Андерсен! — говорит он любезно. —

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Очень рад! Ваши сказки мы знаем, как же! Мне нравится вот эта... где некрасивый утёнок поёт свою песенку, кажется, испанскому императору, а тот потом выходит на улицу совершенно голый. Очень смешно, очень!

— Зачем вы уродуете детские души? — в упор спрашивает Андерсен.

Гримаса скуки появляется на румянном лице книжного магната.

— Ох, мистер Андерсен, если бы вы знали, как нам надоели эти причитания!.. Неужели вы не могли придумать что-нибудь пооригинальней? Это всё, извините, ваше европейское слюнтяйство. Спрос есть на нашу литературу? Есть. И огромный. Значит, наш долг — удовлетворить его. Вот и всё!

— Спрос рождён вашим же весьма настойчивым предложением!

— Отчасти это так. Но я не вижу ничего дурного в наших книжках... Кровь, убийства, трупы?! Подумаешь! В конце концов сегодняшний мальчик — это завтрашний солдат, а сегодняшняя девочка — его завтрашняя любовница. Пусть закаляются!

— По-моему, сегодняшний ребёнок — завтрашний человек. Это главное!

Издатель улыбается и с ласковой фамильярностью ударяет Андерсена по плечу.

— Бросьте, мистер Андерсен! Не будьте старомодным!.. У вас в Европе ещё много таких... чудачков, как вы!.. Перестраивайтесь, мистер Андерсен, а то... поздно будет. Кстати, у меня к вам деловое предложение. Мы хотим издать вашу сказку «Тётушка зубная боль». Но... нужно переделать, мистер Андерсен, нужно переделать!.. Там у вас действует какая-то странная сказочная старушка с длинными руками и с «пальцами холодными, как лёд, и тонкими, как щепки». Видите, как я всё помню! Она там что-то требует от студента, кажется, чтобы он признал зубную боль «сильнее поэзии и философии». Зачем это? К чёрту старушку, к чёрту студента, к чёрту философию! Переделайте сказку так, чтобы всё было ясно и просто. Не старушка, а молодая, загадочная, красивая женщина с порочными наклонностями... Пусть она будет зубным врачом. Дантистка-садистка! Её пациент становится её любовником, и она выдирает ему все зубы подряд, связав по рукам и ногам с помощью верного слуги-шизофреника... Видите, как здорово!.. Пойдите, мистер Андерсен... Куда же вы?!

Нет, не стоит тревожить своё воображение сценами фантастического путешествия великого сказочника на родину «комиксов»! Ему там делать нечего! Да к тому же такое путешествие и небезопасно: можно угодить в лапы полицейского инспектора Герберта В. Кайе из города Детройта. Этот американский держиморда включил «Сказки» Андерсена в чёрный список не рекомендуемых к чтению литературных произведений и при этом не постеснялся публично заявить, что он желает «очистить литературу от вшей».

Наглая выходка, конечно, не может задеть и оскорбить Андерсена, так же, как не могли «улитки, плевавшие на всё живущее», оскорбить цветущий розовый куст. О таких улитках рассказал сам Андерсен в тонкой и мудрой сказке «Улитка и розовый куст». Но ведь описанная выше полицейская пакость характерна для состояния умов современной официальной Америки, где бездарные торгоши-жучки литературной биржи и поставщики низкопробного печатного товара благоденствуют и процветают, а настоящие, честные художники подвергаются оскорблениям и преследованиям.

Вы не сможете выполнить свою благородную заокеанскую миссию, дорогой Андерсен, до тех пор, пока литература в Америке не будет очищена от полицейских «литературоведов» вроде инспектора Кайе.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

АНСАМБЛЬ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ МИСТЕРА УОЛЛ-СТРИТА.

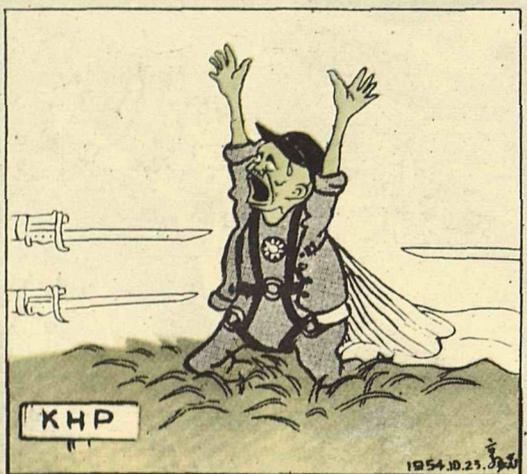
САТИРА
за рубежом

ПРИЗЕМЛИЛСЯ

Рисунок ЧЖОУ ЮЭ-ЮАНЯ.
«Маньхуа» (Китайская Народная Республика).

Двумя ногами шпион становится на землю...

...и две руки поднимает к небу.

ЗВОНОК ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Рисунок Эрнэ ЗОРАД.
«Лудаш Мати» (Венгрия).

В высших учебных заведениях Советского Союза обучается много венгерских студентов.

— Радость-то какая! Наш Яни сдал все экзамены на пятёрки!

Рисунок Ф. ПЕТРИКОВСКОГО.
«Рогач» (Чехословакия).

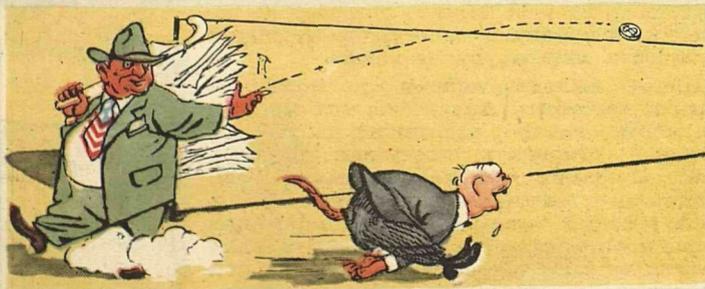

ТАК ДЕРЖАТЬ!

АМЕРИКАНО-ЛИСЫНМАНОВСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Распродавая по кабальным «договорам» материальные ценности Южной Кореи американским монополистам, Ли Сын Ман на полученные доллары покупает американское вооружение.

Рисунок ЧАН ЧИН ГВАНА.
«Хуальсал» (Корейская Народно-Демократическая Республика).

ЖИЗНЬ В РАССРОЧКУ

«Послушайте меня и скажите, что, чёрт возьми, должен делать парень в моей шкуре. Я водитель такси, человек с небольшим образованием, моих знаний арифметики мне хватает, но вряд ли в мире есть математик, который мог бы сбалансировать мои доходы и расходы... Бьюсь об заклад, что я никогда не получу ответа и не услышу снова об этом письме.

Благодарю Вас. Американский гражданин Уилфорд Г. Ролл».

С таким благодарственным посланием обратился в своё время этот «средний американец» к бывшему президенту США господину Гарри С. Трумэну. Но Уилфорд Ролл отнюдь не одинокий в своём отчаянии. Многомиллионное множество таких же «средних американцев» тоже никак не может свести концы с концами.

Эрл Пиппин — холостяк. Но он озабоченно почёсывает в затылке совсем не поэтому (просчёт-то ведь вполне поправимый!). Газета «Уолл-стрит джорнэл» сообщает, что этот парень из Детройта скорбит по более прозаической причине. Как деликатно выражается газета, детройтский холостяк «немного обеспокоен» тем, что «его скоро призвуют в армию, а до этого он обязан уплатить все свои долги». Эрл Пиппин живёт в кредит. Всё, что у него есть, приобретено в рассрочку или в долг, и займодавцам совсем не улыбается, чтобы этот рекрут улизнул в армию, не расплатившись сполна.

Рузвельт Джоунс — тоже «средний американец», и так же, как Эрл Пиппин, он, можно сказать, в неоплатном долгу у «американского образа жизни». Чтобы рассчитаться с кредиторами, отмечает «Уолл-стрит джорнэл», этот почтенный отец многочисленного семейства «вынужден во многом отказывать себе и своей семье и в первую очередь в покупке одежды для своих детей».

По свидетельству американского журналиста Гантера Стейна, в так называемом разряде «средний американец» уместаются и миллионеры и нищие. Это-то обстоятельство и вынудило членов объединённой экономической комиссии конгресса обратиться к образам своего соотечественника Марка Твена и мужественно признать, что американская экономика — это «экономика принцев и нищих».

В стране дядюшки Сэма одни утопают в роскоши, другие — в неоплатных долгах. «Многие американцы, — сообщает в порыве ханжеского сердоболия «Уолл-стрит джорнэл», — довели свой кредит почти до предела». И газета тревожно предсказывает «многочисленные банкротства и распродажи». Недаром английский журнал «Стейтист», наблюдая с берегов туманного Альбиона бойкие финансовые операции за океаном, склонен считать, что «американцы связали себя такими обязательствами, которые можно охарактеризовать как задолженность от колыбели до могилы». И недаром тот же Гантер Стейн предупреждает своих читателей, что «инфляционный пузырь фальшивого американского процветания неизбежно должен лопнуть».

Американский писатель Майкл Голд называет систему платежей в рассрочку чудовищной игрой в рулетку. «Средний американец» играет против крупных банков, поставив на карту свой дом, мебель, телевизор и даже... участок земли на кладбище. Всего этого американец лишится, если вдруг потеряет работу или не внесёт платежи в срок. «Это такая игра, в которой банки не проигрывают», — замечает Голд.

Как-то, желая поделиться своими впечатлениями о Нью-Йорке, корреспондент английской газеты «Дейли мейл» заявил, что теперь, как и раньше, «очень неприятно бродить по этому роскошному городу, созная, что за значительную часть автомобилей на улицах, пальто на плечах людей, колец у них на пальцах, ботинок на ногах и, может быть, пицци в желудках ещё не заплачено».

А что, если мы разрешим воображению некоторую вольность и допустим, что американским дельцам-кредиторам вдруг взбрело в голову немедленно прекратить действие выданных ими соотечественникам кредитов и вернуть назад все товары, проданные в рассрочку?

Не очень трудно себе представить, как будет выглядеть в это печальное мгновение богатейший американский город. Спадут камуфляжные покровы накрахмаленного «процветания», и «американский образ жизни» предстанет перед изумлённой публикой во всей своей неприглядной нагоде.

Н. ЗЕМСКОВ

Опасные слова

«ХОРОШАЯ» МИССИС

О человеке, завоевавшем какую-то известность, часто говорят: он сделал себе имя.

О миссис Элси К. Олред, жительствующей в городе Денвер (США), можно смело сказать то же самое и в фигуральном и в прямом смысле.

До недавних пор миссис Олред жила в полной безвестности и так, возможно, сошла бы в могилу, если бы не два фактора: антикоммунистическая истерия в США и наличие в фамилии достопочтенной матроны слова «ред», которое по-английски значит «красный». Преисполнившись по этому поводу высоко нравственного негодования и заявив репортёрам, что её фамилия «становится всё более отвратительной», она стремглав бросилась к судье за разрешением сменить слово «ред» в своей фамилии на слово «гуд» — «хороший, хорошо».

— Гуд! — сказал судья Д. Бروفман, и, как свидетельствует газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан», миссис Элси К. Олред стала перед лицом закона именоваться миссис Элси К. Олгуд.

А ведь она напрасно думает, что опасность уже миновала! Не исключена возможность, что именно теперь её и могут привлечь к ответственности за «коммунистическую пропаганду». Так и представляешь себе обвинительное заключение: «Сменив в своей фамилии слово «красная» на слово «хорошая», обвиняемая тем самым поставила знак равенства между понятиями «красный» и «хороший»...

Как бы то ни было, карьера бывшей миссис «красной» отнюдь не рисуется нам в розовом свете.

КОЛЛЕГИ ПО КЛАССУ

Покинем Денвер и перенесёмся в город Пейетт (штат Айдахо). Вот городская средняя школа. Послушаем, о чём говорят вон те мальчуганы лет десяти—одиннадцати.

— Коллеги, — возмущённо лепечет один из них, — рыжий Билл с этого дня — мой враг! Коллеги, он... он назвал меня своим... товарищем! Что за странная логика? За ответом обратимся к сообщению газеты «Орегон Джорнэл»:

«В пятницу школьный совет почти единогласно решил выбросить из школьной песни слово «товарищ». Совет считает, что это «возмутительное» слово стало частью коммунистической идеологии и поэтому не должно употребляться патриотической молодёжью. В качестве замены было выбрано слово «коллега».

Но ведь вот незадача! Говорят, что коммунисты тоже употребляют слово «коллега», равно как и другие разумные человеческие слова. Что же предпишут школьникам завтра? Быть может, просто молчать?

А если кто-нибудь из школьного совета в Пейетте, одумавшись, покраснеет от стыда, то пусть вспомнит, что и краснеть в США — дело ныне рискованное.

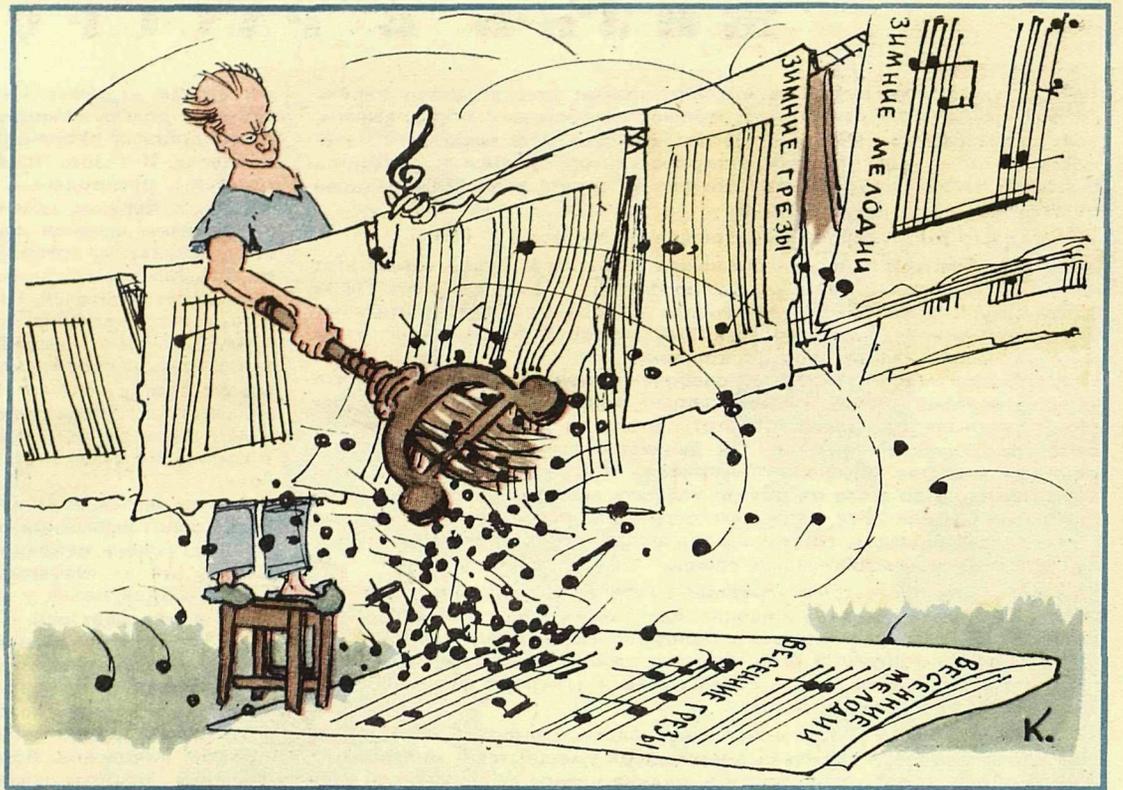
Г. ЮРЬЕВ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

— Итак, Джимми, сегодня ночью грабим магазин.
— Говори тише, а то Боб перехватит операцию.

КРОКОДИЛЬСКАЯ Месь

В КИНОСТУДИИ

Композитор Переначкин выбивает старые вещи...

Рисунок А. ВАЖЕНОВА.

— Предупреждаю: если не будет сниматься моя тигрица, от участия в фильме отказываюсь!

СТРОГИЙ КРИТИК

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Что же это вы, товарищ соловей, всё только о любви поёте? Неужели ничего по-серьёзнее у вас нет?

МОЛЬБА ГЕРОЯ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Дядя Федя, вот мои отметки, и, пожалуйста, больше меня не рисуйте.

Необычайное происшествие, случившееся с директором Тюменского книжного издательства Петром Горбуновым

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

В одно туманное мартовское утро у двери в кабинет директора Тюменского областного книжного издательства Петра Михайловича Горбунова собралась солидная группа лиц в странных для наших дней костюмах прошлого века.

Посетители не нарушали строгих порядков храма книги, чуть слышно беседовали друг с другом и лишь иногда покачивали головами. Когда с положенным начальству опозданием появился Пётр Михайлович, посетители посторонились.

— В чём дело, граждане? — строго спросил директор. — Кто вы? По какому делу?

— Мы по поводу некоторых недоразумений... Принадлежа к числу российских литераторов, хотели бы... Впрочем, разрешите представиться: Алексей Кольцов! — выступил вперёд худощавый, закутанный в шубу молодой человек.

— Пётр Вяземский! — шагнул к Петру Михайловичу другой.

«Бывали они у меня раньше или нет? — промелькнуло в голове у директора. — Кажись, нет!»

И он, строго осмотрев всех, сказал: — День сегодня неприёмный, но... входите!

Посетители вошли следом за директором.

— Слушаю. На что жалуетесь? — спросил хмуро Пётр Михайлович.

— На Тюменское издательство, — заговорил некто в очках. И, привстав, представился: — Николай Языков! Что вы нас не знаете — бог вам судья. Но зачем же взыскивать, а тем более обсчитывать?..

— Ну, вы того, товарищи, поосторожнее! — повысил голос директор. — Прежде всего: где вы работаете? Что печатали? Вы член Союза писателей?

— Увы! — развёл руками посетитель. — Считаю себя дилетантом. Печатался, не скрою. Но в Союз вступить не успел. Да это и не важно сейчас. Мы все не члены Союза. Мы, так сказать, давно не существуем. И только исключительные обстоятельства привели нас к вам...

— Гражданин! Вы мне тут мистикой не занимайтесь! Ежели ходишь, — зна-

чит, существуешь, — прервал поэта директор.

— Нужда гонит! — вздохнул кто-то. А Языков продолжал:

— Вверенное вам издательство выпустило в 1954 году сборник песен, куда включило и наши скромные произведения... Конечно, я и мои коллеги весьма польщены тем, что нас, поэтов прошлого века, не забыли. Больше того, нам начислили гонорар, хотя на том свете, честно говоря, деньги ни к чему, но раз начислили, то платите полным рублём. А то по расчётной ведомости с меня не только взыскивают налоги — подоходный и за бездетность, но и...

— И с меня! И с нас! — подтвердили хором странные посетители.

— Что за ерунда! — воскликнул, протирая глаза и незаметно ущипнув себя, Пётр Михайлович. — Вызвать сюда главного бухгалтера товарища Жадова! — И, когда тот появился, спросил: — Почему этих граждан обложили налогом по бездетности?

— Видимо, не представили справки от домоуправления, — безучастно и сухо заключил главный бухгалтер.

— Позвольте! — сказал Пётр Вяземский. — Какое могло быть в моём собственном доме да ещё в XIX веке домоуправление?.. А то, что у меня были дети, — это в любой критико-биографической статье значит.

— Ужас! Мистика! — вскричал директор. — Они же не существуют! Подать сюда ведомость! Какой чудак её составил? И какой невежда подписал!

— Вы, Пётр Михайлович, — строго сказали посетители и, растворившись, исчезли неслышно.

Очнувшись, Пётр Михайлович увидел перед собой главного бухгалтера Жадова и ведомость, лежавшую на столе.

Прямо под фамилиями недавних посетителей стояла его, Петра Михайловича, подпись, скреплённая печатью. Далее следовала роспись главного бухгалтера.

В открытое окно с улицы доносилось радио. Читали Владимира Маяковского, который зло высмеивал издателей за то, что они

...выписывают гонорары Цицеронам...

Вас. ПУХНАЧЁВ

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00796. Изд. № 348. Подписано к печати 19/IV 1955 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 1158. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40
30 АПР. 1955

-573 071

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпль
1955 г.

...когда полиция не вмешивается в дела печати!..

Рисунок К. РОТОВА.

K.P.-55